

в одном ряду со своим политическим авторитетом, своей «порфирой»⁵⁶. Не сказываются ли здесь в завуалированной форме внутренние противоречия между главой церкви и крепнущей княжеской властью? Припоминается подчеркнутый проростовский тон II канона, который едва ли ласкал княжеский слух после ожесточенной борьбы Всеволода III с ростовской знатью, легче ощутить и в этих, по форме лойляльных, репликах Иоанна в адрес князя особый скрытый смысл. Вспомним, что позднее владимирский сводчик 1212 г. удалил из летописи сообщения о деятельности Иоанна, а в 1214 г. Юрий Всеволодович попросту прогнал его с престола⁵⁷.

Можно в заключение указать на отдельные места, говорящие об использовании Иоанном литературных произведений 60-х годов. Так, в I каноне обращение к богородице: «спаси люди и град к тебе уповающая» — напоминает лейтмотив «Службы на Покров». Прямую связь с памятниками покровского культа обнаруживает моление к богородице II канона: «весь мир покрый крилома своим а, . . . пречистей си руже въздеючи к нему [Спасу] избави нас от грядущего гнева».

6

Здесь же мы должны рассмотреть находящееся в пространной редакции «Жития Леонтия» обширное «Поучение на память святого отца нашего Леонтия епископа ростовского чудотворца»⁵⁸. Видимо, оно существовало в виде особого сочинения и было присоединено вместе с расширенным материалом краткой редакции к редакции пространной. Изданное в 1858 г. и отнесенное издателем ко времени вскоре после открытия мощей Леонтия⁵⁹, оно было отмечено и В. О. Ключевским, который, однако, почему-то счел это определение лишеным «всяких оснований» и датировал его временем 1467—1514 гг. по дате написания сборника (1514), где оно было им встречено⁶⁰. Думаем, однако, что этот приговор почтенного историка поспешен и несправедлив и что ближе к истине определение первого издателя памятника.

«Поучение» составлено в Ростове и произнесено здесь, конечно, не ранее 1194 г. — времени установления празднования Леонтию. Оно и начинается с обращения к «христоролюбцам», собравшимся вновь «паку» на «светлое тръжжество» праздника Леонтия «в великий сей духовный всесвященный храм пречистыя богоматере», т. е. в ростовский Успенский собор, который с полным основанием мог быть назван «великим». Как и во II каноне Иоанна, здесь сквозит мысль о местном, ростовском значении Леонтия — «сь бо ростовскую землю просвети». «Поучение» явно

⁵⁶ Возможно, что «порфира» — не только риторический символ светской власти. Порфира — это багряница, пурпурная царская одежда (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, СПб., 1902, стб. 1223). Н. П. Кондаков полагал, что на Руси с великокняжеским титулом связывалась специальная одежда, которую он называет «великокняжеской порфирой»: это красный плащ типа корзна, подражающий царской мантии византийского императора (Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906, стр. 94—98). Анализ владимирского «Сказания о празднике Спаса», вскрывающий притязания Андрея Боголюбского на «равноправие» с Мануилом Комниным, позволяет думать, что русский князь перенил и сходные с византийскими «царские» регалии.

⁵⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 83—84.

⁵⁸ А. А. Титов. Житие Леонтия, стр. 14—18.

⁵⁹ «Православный собеседник», 1858, № 3.

⁶⁰ В. О. Ключевский. Жития, стр. 13 и прим. 1.